

Было уже около четырёх утра, когда Цзи Цзинь наконец закончил репетицию.

Для привыкшего к строгому спортивному режиму Шэнь Цинъюя эта бессонная ночь стала настоящим испытанием. Веки у него так и слипались — он был готов уснуть прямо стоя.

В отель они вернулись на автопилоте. Цзи Цзинь шагнул в номер первым, а Шэнь Цинъюй поплёлся следом, зевая до слёз. Из-за пелены перед глазами он и не заметил, как певец внезапно остановился у самого порога, и наткнулся прямо на него.

Цзи Цзинь, который был килограммов на пять легче и далеко не так крепко стоял на ногах, покачнулся и полетел вперёд. Шэнь Цинъюй среагировал мгновенно: перехватив его за руку, он рванул парня назад. В итоге Цзи Цзинь вместо жёсткого пола врезался в не менее жёсткую грудь телохранителя. Сказать по правде, разница была невелика — на полу лежал ковёр, так что падать туда было бы, пожалуй, даже мягче.

Цзи Цзинь болезненно поморщился и шумно втянул сквозь зубы воздух. Подняв глаза, он замер: их лица оказались так близко, что между ними оставалось от силы пара сантиметров.

Оба оцепенели, растерянно глядя друг на друга. Первым опомнился Шэнь Цинъюй — он поспешно разжал пальцы и отступил на шаг.

— Простите! Я не специально, — выпалил Шэнь Цинъюй.

Он не знал, куда девать глаза, а мочки его ушей мгновенно вспыхнули пунцовым пламенем. За всю свою жизнь он ни с кем не сближался на такое расстояние, если не считать борцовской возни на ринге. Из-за этого в первую секунду у него даже сработал глупый спортивный рефлекс — применить борцовский захват и повалить Цзи Цзиня на пол вместе с собой.

Цзи Цзинь тоже растерялся. Не зная, как реагировать, он молча отвернулся и пошёл в глубь номера, но через пару шагов вспомнил, что вообще-то остановился, чтобы взять бутылку воды у порога. Когда он резко развернулся, сонный Шэнь Цинъюй продолжал на автомате шагать вперёд. Они едва снова не столкнулись лбами — телохранитель затормозил в самый последний момент, растерянно моргая.

— О чём ты вообще думаешь? — спросил Цзи Цзинь, хмурясь. — Витаешь где-то.

Шэнь Цинъюй подавил зевок и виновато, но мягко улыбнулся сквозь слипающиеся веки:

— Извини. Голова совсем не соображает от усталости.

Заметив его измождённый вид, Цзи Цзинь нахмурился ещё сильнее:

— Ты что, совсем не привык не спать по ночам?

Шэнь Цинъюй покачал головой:

— Почти никогда не ложусь так поздно.

Для профессионального спортсмена режим — это всё. Раньше он засыпал строго в десять вечера и поднимался в шесть утра. С тех пор как устроился к Цзи Цзиню, сдвинул график до полуночи, но сидеть без сна до четырёх утра было выше его сил. Ещё пара часов — и наступило бы его обычное время подъёма.

Цзи Цзинь помолчал немного, а затем недовольно цокнул языком:

— Ладно, проехали. Впредь по ночам со мной сидеть не нужно. Иди к себе и ложись спать.

— Нет, я буду с вами, — упрямо покачал головой Шэнь Цинъюй.

— Зачем? Сюда посторонние не пройдут, защищать меня не нужно. Если что-то понадобится, я могу попросить сестру Ань или кого-то из персонала. Если валишься с ног — иди отдыхай.

— Но сестра Ань и остальные тоже без сил, — тихо возразил Шэнь Цинъюй, и его взгляд потеплел. — А вам тяжелее всех. Ничего страшного, я справлюсь. Скоро привыкну.

У Цзи Цзиня перехватило дыхание. Слова телохранителя попали в самую цель, отозвавшись во всём теле странной дрожью.

Он давно свыкся с подобным темпом. Команда, продюсеры, телевизионщики — все они время от времени спрашивали: «Устал?» или дежурно бросали: «Отличная работа, ты на славу постарался». Вот только за этой вежливостью никогда не стояло искреннего сочувствия. Это были лишь завуалированные призывы: «Продолжай в том же духе», «Соберись», «Ты можешь ещё лучше». Им требовался идеальный результат. Им требовались новые хиты и новые миллионы.

И только в простых словах Шэнь Цинъюй не крылось никакой корысти. Цзи Цзинь уловил в его голосе то, чего не слышал уже очень давно — обычную человеческую заботу.

Кондиционер тихо гнал тёплый воздух, и его монотонный гул лишь подчёркивал воцарившуюся в номере тишину. Шэнь Цинъюй уже засыпал на ходу, когда сквозь пелену дрёмы до него донеслось едва слышное:

— Спасибо.

Цзи Цзинь подошёл к двери ванной комнаты, собираясь смыть грим. Номер был один на двоих, и санузел, соответственно, тоже один. Певец на секунду замялся, зашёл внутрь, просто вымыл руки и тут же вышел.

— Мне нужно кое-что набросать, — сказал он, усаживаясь за письменный стол. — Иди в душ первым. Вымоешься — и сразу в постель. Не отвлекай меня.

Несмотря на то что лечь удалось лишь в пятом часу, уже без пяти семь утра Цзи Цзинь был на ногах.

Весь день прошёл в репетициях с живым бэндом — прогон утром, прогон днём. Едва музыканты успели хоть как-то сыграть, время подошло к концу. Подгоняемые суетливыми администраторами, Цзи Цзинь и Чжан Юйсяо отправились в гримёрную готовиться к вечернему эфиру.

К восьми вечера зал заполнился до отказа. Операторы заняли свои точки, режиссёр дал команду, и съёмка официально стартовала.

Когда официальная часть подошла к концу и объявили выход Цзи Цзиня и Чжана Юйсяо, Су Ань за кулисами ободряюще сжала кулак:

— Покажи им класс!

Шэнь Цинъюй промолчал, но его взгляд говорил красноречивее любых слов. Цзи Цзинь задержал на нём взор на пару секунд, а затем уверенно бросил:

— Жди меня здесь.

И вместе с напарником они шагнули на сцену.

Стоило им показаться под софитами, как зал взорвался оглушительными криками. Поскольку зрителям предстояло голосовать, организаторы тщательно отбирали массовку, отсеивая ярких фанатов конкретных исполнителей. И тем не менее, когда объявили приглашённого гостя Цзи Цзиня, лавина восторженного рёва накрыла трибуны с такой силой, что имя главного конкурсанта просто утонуло в ней. Любовь простых обывателей к Цзи Цзиню была поистине феноменальной.

Песня приближалась к кульминации. Певцы переглянулись, вступая на совместную партию.

— Чёрт побери! — выдохнула Су Ань, не отрывая взгляда от монитора в режиссёрской зоне. — Чжан Юйсяо запорол текст!

Среди зрителей в первых рядах тоже пронёсся едва заметный шёпоток.

Сбылось вчерашнее пророчество Су Ань — на сцене действительно могло произойти всё что угодно. В самый подходящий момент отключился суфлёр. Чжан Юйсяо перепутал куплеты. Пел бы он один — подмену вряд ли кто-то заметил бы, но заминка пришлась как раз на совместную партию. Два голоса зазвучали вразнобой, выплёвывая разные слова. Фальшивый аккорд резанул слух, мгновенно обнажив ошибку.

Чжан Юйсяо заметно занервничал, на лице Цзи Цзиня тоже на миг промелькнуло замешательство. К счастью, многолетний сценический опыт взял своё. Цзи Цзинь уверенно повёл мелодию дальше, дав напарнику возможность прийти в себя. Пробормотав невпопад пару фраз, Чжан Юйсяо наконец поймал нужный ритм, вспомнил слова и вернулся в строй. Спустя минуту финальный аккорд завершил выступление.

По правилам шоу Чжан Юйсяо находился в шаге от вылета и сегодня сражался в дуэли на выживание со своим соперником. Ради спасительных голосов оба номинанта задействовали «тяжёлую артиллерию» в лице звёздных друзей. Помимо зрителей в зале присутствовала коллегия судей: авторитетные музыкальные критики и ветераны эстрады.

— Позвольте спросить, чьих рук это переложение? Кто так переиначил оригинал? — подал голос один из ведущих музыкальных критиков страны.

Вид у него был суровый, лицо так и выражало крайнее недовольное недоумение. Атмосфера в студии мгновенно накалилась. Цзи Цзинь спокойно взял у ведущего микрофон и встретил придирчивый взгляд судьи абсолютно ровным, уверенным взглядом:

— Моя работа.

Их взгляды скрестились. Спустя секунду на лице критика вдруг расплылась широкая улыбка.

— Рискну навлечь на себя гнев автора оригинала, но ваша версия мне нравится куда больше! — признался он. — Исходная песня всегда казалась мне слишком пресной, но твоя аранжировка вдохнула в неё жизнь, сделала объёмной и глубокой. Да, сегодня не всё прошло гладко, была пометка, но выступление получилось... ошеломляющим! Будь у меня зрительский пульт, мой голос ушёл бы вам без раздумий.

Столь неожиданный поворот разрядил обстановку, и зал облегчённо загудел. Другая судья, эстрадная дива почтенных лет, ласково улыбнулась певцу:

— А-Цзинь, я всегда преклонялась перед твоим даром. Скажи, когда у тебя выдастся свободная

минутка, не напишешь ли ты что-нибудь и для меня?

Зрители разразились восторженными криками. Цзи Цзинь вежливо поклонился:

— Почту за честь.

После короткой интермедии ведущие получили конверт с результатами голосования. Судьбу дуэлянтов решали исключительно зрители. Расправив карточку, конференсье объявил:

— В проекте остаётся... Чжан Юйсяо! Поздравляем!

В режиссёрской будке представители обеих команд дружно выдохнули и принялись обмениваться любезностями.

— Мои поздравления! Отличный результат!

— Ох, ваш Цзи Цзинь — просто самородок, с ума сойти.

— Да и Чжан Юйсяо выложился на все сто, у меня аж слёзы на глаза навернулись.

На сцене Чжан Юйсяо уже вовсю толкал благодарственную речь. Глаза его блестели от слёз, а голос театрально дрожал:

— Знаете, победа в сегодняшнем поединке — вовсе не главное. Куда важнее для меня поддержка моего близкого друга, Цзи Цзиня. Он отложил все свои важные дела, выкроил время в своём плотном графике, чтобы приехать и спеть со мной. Вчера мы репетировали до самого рассвета, он глаз не сомкнул, а утром уже стоял на прогоне. Он выложился без остатка ради меня. И его дружба для меня ценнее любых наград и побед.

Услышав это, Шэнь Цинъюй подумал: «Теперь понятно, почему А-Цзинь считает его близким другом. Они действительно дорожат друг другом».

Су Ань же лишь поморщилась и тихо фыркнула. Ей претило, как Чжан Юйсяо при каждом удобном случае выставляет напоказ свои отношения с Цзи Цзинем. Будем честны: сейчас они находились в слишком разных весовых категориях, и эти пламенные речи со сцены разили за версту банальным желанием примазаться к чужой славе.

Миссия Цзи Цзиня на этом была выполнена. Чжана Юйсяо ждали дальнейшие съёмки, поэтому за кулисами они быстро попрощались. Шэнь Цинъюй и Су Ань проводили артиста в гримёрку. Стоило двери захлопнуться, как Цзи Цзинь рухнул на диван, словно из него разом выпустили весь воздух.

— Как же я выжался! — простонал он, прижимая ладонь к лицу.

Пусть это было не его сольное шоу, за последние сорок восемь часов он потратил невероятное количество сил — и душевных, и физических, уложив недельную норму нагрузок в два безумных дня.

Шэнь Цинъюй молча подошёл ближе и начал разминать ему плечи. Пальцы у телохранителя были сильными и точными. Спустя пару минут Цзи Цзинь с удивлением повернул к нему голову:

— Ого... Откуда такие навыки? Ты где-то учился?

Переходя от лопаток к затекшей шее, Шэнь Цинъюй пояснил:

— Смысл простой — снять мышечный зажим. В спорте без этого никуда, так что все бойцы умеют разминать забитые мышцы.

Спортсмены знали анатомию лучше профессиональных массажистов из салонов, и их хватка была куда точнее и эффективнее натренированных пальцев салонных мастеров.

— М-м-м... Тогда будешь делать мне это каждый день, — разомлел Цзи Цзинь. — У меня вечно шея как каменная.

Этот негромкий стон, похожий на ленивое кошачье мурлыканье, заставил Шэнь Цинъюя замереть на долю секунды. Сжимая пальцами тёплую кожу на затылке певца, он вдруг вспомнил, как тот вчера прижался к его груди. Непонятная, щемящая волна тепла поднялась из самой глубины груди и горячим током ударила в кончики пальцев — рука телохранителя непроизвольно вздрогнула. Цзи Цзинь, впрочем, ничего не заметил, решив, что это часть массажного приёма.

Су Ань сверилась с часами на телефоне:

— Отдыхаем ещё минут пять и едем в отель. Сегодня нужно лечь пораньше, завтра с утра съёмка для глянца.

Цзи Цзинь потянулся и поднялся с дивана, разминая суставы. После сеанса Шэнь Цинъюя во всём теле действительно появилась приятная лёгкость.

— Пойду попрощаюсь с Чжан Юйсяо, и выдвигаемся, — бросил он.

Су Ань нужно было уладить пару вопросов с гримёрами, поэтому она кивнула телохранителю, чтобы тот присмотрел за её подопечным.

Они подошли к двери гримёрной Чжана Юйсяо. Та была плотно прикрыта. Цзи Цзинь уже занёс руку для стука, как вдруг сквозь тонкую обшивку донёсся отчётливый голос хозяина комнаты:

— Ну скажи, он ведь совсем берега попутал, а? — разразился возмущением Чжан Юйсяо, выплёвывая слова с такой обидой, словно его смертельно оскорбили. — У меня слов нет, блядь! Это моё выступление или его? Явился тут, павлиньи перья распустил! До выхода на сцену несчастные сутки оставались, а этот придурок упёрся: «Давай переделаем аранжировку!». Прямо из штанов выпрыгивал, лишь бы все вспомнили, какой он, сука, гениальный композитор!

— И не говори, вечно ему надо быть в каждой бочке затчкой, — поддакнул женский голос. — Ладно тебе, не кипятись. Главное, что мы прошли дальше.

— Да как тут не злиться?! Он меня вчера до четырёх утра мариновал. Из-за него у меня сегодня весь день башка не варилась, я даже слова на сцене перепутал! Обосрался перед всей страной! Немедленно иди к монтажёрам и договорись, чтобы этот кусок вырезали к чёртовой матери. Если это пустят в эфир, я же посмешищем буду!

— Хорошо-хорошо, сейчас всё улажу, не переживай.

Занесённый кулак Цзи Цзиня так и застыл в воздухе. Лицо певца мгновенно побледнело, а взгляд стал ледяным. Шэнь Цинъюй не обладал столь тонким слухом, но даже до него долетали отдельные хлёсткие фразы, из которых без труда складывалась общая картина. Он с тревогой покосился на своего подопечного.

Разговор за дверью тем временем продолжался:

— Но вообще, ссориться с ним не стоит. Держись за него зубами, у этого придурка огромная фан-база, — наставляла женщина. — Как только серия выйдет в эфир, мы зарядим тему про вашу крепкую мужскую дружбу. Проплатим хэштеги в трендах, натравим блогеров — трафик взлетит до небес. Малолетки от таких историй так и текут.

Чжан Юйсяо презрительно фыркнул, ядовито ухмыляясь:

— Ещё бы, популярный он... Конечно, когда так умеешь лизать бабам. Ему же похер, что старуха на двадцать лет старше, жрёт и не морщится. Вот Директор Дань и сливает на него все ресурсы агентства.

Ещё на первых фразах грудь Цзи Цзиня тяжело заходила ходуном, а плечи мелко задрожали. Он пытался сдержаться, гасил поднимающуюся волну ярости из последних сил. Но эти грязные слова о Директоре Дань стали детонатором. В голове словно рванул целый склад пиротехники: сознание ослепило вспышкой, мгновенно выжигая остатки рассудка.

Шэнь Цинъюй потянулся, чтобы перехватить руку певца, но тот оказался быстрее. Раздался оглушительный грохот — Цзи Цзинь с такой силой пихнул дверь, что та с размаху впечаталась в стену. Певец ураганом ворвался внутрь.

Находившиеся в комнате онемели от ужаса. Чжан Юйсяо даже не успел подняться с дивана, как над ним уже выросла разъярённая фигура Цзи Цзиня. Заметив занесённый кулак, трус испуганно вжал голову в плечи и зажмурился. Его пиарщица истошно завизжала.

— Что ты там вякнул?! А ну повтори, сука! Повтори в глаза!

Удар не достиг цели — тяжёлая ладонь Шэнь Цинъюй намертво перехватила кулак певца. Телохранитель навис над ним, лихорадочно шепча на ухо:

— А-Цзинь, стой! Не смей мारать руки! Спокойно!

«Спокойно?! — это слово вселяло в Цзи Цзиня ещё большее бешенство. — С какой стати он должен молчать? Неужели этот идиот-охранник не слышал, какие помои на него сейчас вылили? Всё это — ложь от первого до последнего слова! Почему он должен это терпеть?!»

Вывав руку, Цзи Цзинь рванулся вперёд, пытаясь вцепиться в воротник Чжана Юйсяо:

— Ну же! Повтори мне это в лицо, мразь! Я тебя, ублюдка, другом считал, из кожи вон лез ради твоего паршивого выступления, а ты за моей спиной такое дерьмо разносишь?!

Однако дотянуться до перепуганного предателя ему снова не позволили. Шэнь Цинъюй железной хваткой обхватил его запястья. Руки бойца сжали его суставы подобно стальным наручникам — как бы Цзи Цзинь ни извивался, он не мог сдвинуться ни на миллиметр.

Чжан Юйсяо не смел проронить ни звука. Он забился в угол дивана, даже не рискуя поднять глаза. Эта жалкая трусость лишь подливала масла в огонь. Ярость выжигала Цзи Цзиня изнутри, причиняя почти физическую боль. Он резко повернулся к телохранителю и взвыл:

— Пусти меня, сука! Слышишь?! Отвали от меня!

Шэнь Цинъюй поразился: в приступе безумия этот хрупкий парень обрёл нечеловеческую силу. Чтобы удержать его, приходилось задействовать все резервы. Взгляд Цзи Цзиня остекленел, глаза налились кровью, а на бледных висках отчетливо проступили вздувшиеся синие вены. Очевидно, он сейчас себя не контролировал. Вывать к разуму в этот момент было абсолютно бесполезно.

Кругом кишели люди — коридоры ломились от персонала и журналистов. Если Цзи Цзинь сейчас изобьёт коллегу по сцене, этот скандал уже никакими деньгами не замять. А уж эта парочка — Чжан Юйсяо и его мерзкая пиарщица — с потрохами сдадут его прессе при первой

же возможности. Нельзя было давать им такой компромат.

Приняв решение, Шэнь Цинъюй намертво обхватил Цзи Цзиня поперёк туловища и буквально волоком потащил к выходу.

Цзи Цзинь извивался всем телом, тыча пальцем в сторону забившегося в угол предателя:

— Тварь! Гнида паршивая! Я тебе, скотине, помочь пытался, а ты... Да чтоб ты сдох, падаль!

Чжан Юйсяо, бледный как полотно, сгорал от страха и стыда, боясь шевельнуться. Его агентша дрожала рядом, трусливо закрывая лицо ладонями.

Шэнь Цинъюй выволок беснующегося артиста в коридор и в несколько шагов пересёк холл, ворвавшись в их собственную гримёрную. Су Ань ещё не вернулась. Затащив парня внутрь, телохранитель пнул дверь ногой, и замок с глухим щелчком защёлкнулся.

Не сумев добраться до обидчика, Цзи Цзинь перенаправил весь накопившийся яд на единственную доступную мишень. Он с силой пихнул Шэнь Цинъюя в грудь:

— Ты совсем спятил?! Какого хера ты меня держишь?! Ты на кого, блядь, работаешь вообще?! На него?!

Цзи Цзинь задыхался от злости. Шэнь Цинъюй понимал: отпусти он его сейчас хоть на секунду — тот пулей вылетит обратно в коридор. К тому же стены здесь были картонными, и безумные крики певца вот-вот привлекли бы внимание зевак.

Не находя иного выхода, телохранитель прижал Цзи Цзиня к стене, блокируя его движения собственным весом. Не зная, как заставить его замолчать, он неуклюже попытался прикрыть ладонью его рот, чтобы сквозь крик донести хоть слово. Боясь причинить хрупкому парню боль, он действовал слишком мягко — и в ту же секунду Цзи Цзинь, ослеплённый яростью, мёртвой хваткой вонзил зубы в его пальцы.

«Обида, унижение и дикая, разрывающая грудь злость затопили разум Цзи Цзиня до самых краёв. Тело ломало от напряжения. Ему хотелось кричать от бессилия — из-за того, что на него повесили мерзкую грязь, к которой он не имел никакого отношения; из-за того, что человек, которого он искренне считал близким другом, так легко смешал его с дерьмом за его же спиной. Но сильнее всего ранило предательство того, кто стоял сейчас перед ним. Самый близкий человек... почему он не на его стороне?!»

— А-ах... — Шэнь Цинъюй судорожно втянул воздух сквозь зубы.

Боль была адской — парень кусал с безумной, звериной силой, прокусывая плоть до самой кости. Однако боец пересилил естественный рефлекс и не стал вырывать руку. Так было

лучше. По крайней мере, Цзи Цзинь перестал кричать.

— А-Цзинь, послушай меня, — хрипло, сквозь пелену боли заговорил Шэнь Цинъюй. — Нельзя драться. Мордобой только всё испортит, понимаешь? Мы решим это по-другому. Верь мне. Давай ты просто успокоишься, и мы вместе что-нибудь придумаем, ладно?

Пульсирующая боль волнами расходилась от руки, лицо Шэнь Цинъюй медленно бледнело. Склонив голову, он мягко прижался своим лбом к его лбу, всматриваясь в дикие, затуманенные безумием глаза Цзи Цзиня. На душе у него было невыразимо тяжело — и от жуткой физической боли, и от вида сломленного, потерявшего контроль над собой человека.

Вдруг Цзи Цзинь почувствовал, как на его щеку упала горячая влажная капля. Он замер. Оцепенение спало, словно порыв свежего ветра разом унёс клубящуюся в голове чёрную гарь. Он вынырнул из удушливой пучины безумия, но сознание ещё не успело сообразить, где он находится.

Почувствовав, что челюсти Цзи Цзиня наконец разжались, Шэнь Цинъюй медленно освободил руку. Пальцы были залиты алой кровью.

Мутный взор Цзи Цзиня постепенно сфокусировался. Он уставился на руку телохранителя — вид разодранной, сочащейся кровью плоти подействовал на него как ледяной душ. Бешенство испарилось без следа, уступив место глухой растерянности, шоку и липкому, леденящему душу страху.

Шэнь Цинъюй поспешно спрятал изувеченную кисть за спину, а здоровой рукой бережно привлёк Цзи Цзиня к себе, утыкая носом в своё плечо. Убедившись, что тот больше не пытается вырваться, боец тихо выдохнул и мягко положил ладонь ему на затылок.

— А-Цзинь, — позвал он совсем тихо. В его голосе не было ни капли злости или упрёка, лишь бесконечная нежность. — Тебе плохо, да? Ты... заболел?

Цзи Цзинь промолчал.

Прошло полминуты, может, минута. Шэнь Цинъюй почувствовал, как плотная ткань его футболки на плече медленно пропитывается влагой. Стоило ему попытаться чуть отстраниться, чтобы заглянуть парню в лицо, как Цзи Цзинь с тихим судорожным вздохом мёртвой хваткой вцепился в его куртку.

Уткнувшись лбом в плечо своего защитника, он забился в беззвучных, разрывающих грудь рыданиях.